

РУС. ДИАЛ. ГОМЫЛЬКА

В архангельских говорах отмечается редкое и на первый взгляд необъяснимое значение у слова *гомылька* (варианты *гомўлька*, *гумўлька*) 'большой платок, подаренный невесте женихом в день свадьбы' (Подвысоцкий 33, Филин 6, 356; 7, 231). Значение 'платок' как будто не соотносимо с другими значениями, присущими словам данного этимологического гнезда. Ср. структурно идентичные образования: чеш. *homolka* 'небольшой сыр конической формы; что-либо конусообразное', словац. *homôl'ka* 'кусочек сыра', в.-луж. *homlka*, *hotulka* 'кочка, комок', польск. *gomółka* 'кусочек, ком шарообразной или овальной формы', 'деревенский сыр округлой формы', рус. диал. *гомолька* 'соска для младенца', укр. диал. *гомылька* 'межа в виде кучи камней' (материал взят из ЭССЯ 7, 19).

Все эти формы являются производными от вариантного **gomola/*gomula/*gomyla* с исходным значением 'ком, кусок' (ЭССЯ 7, 18).

Для слав. **gomola* (и вариантов) отмечается параллелизм с балтийскими формами: лит. *gāmalas*, *gāmulas*, *gamulà* 'ком, ломоть, кусок'¹. Вопрос дальнейшей идентификации корня решается по-разному. Так, одни исследователи считают правомерным соотнесение с корнем **gem-* (**gę-*, **žę-*), ср. *жом*, *жать*, *жму* и дальнейшее родство с греч. γέμο 'я полон, изобилую', γόμος 'корабельный груз', норв. *kamt* 'ком' (Verneker I, 326; Brückner 150; Преображенский I, 181; Фасмер I, 435—436; ЕСУМ I, 559).

Иная точка зрения изложена в Этимологическом словаре славянских языков. О.Н. Трубачев, отмечая, как и другие исследователи, близость лит. *gāmalas* 'ком, ломоть, кусок', полагает, что "при этом едва ли можно говорить о регулярности соответствий, поскольку перед нами, по-видимому, экспрессивная лексика, что проявляется (независимо) как в балт., так и в слав. языках" (ЭССЯ 7, 19), ср. наличие в литовском синонимичного *gābalas* 'ком, кусок', а для славянского — наличие глухого дублета: **gomolь/*komolь* 'безрогий' (там же).

В.Э. Орел в специальной статье, посвященной этимологии слова **mogyla*, анализируя славянский, балтийский и балканский языковой материал, пришел к заключению, что **mogyla* является метатезированной формой слова **gomyla*, которое (вместе с суффиксальными вариантами **gomola/*gomula*) в свою очередь восходит к индоевропейскому названию земли **dhǵhǵm/*ghdhǵm*².

В балканских и славянских языках известны вариантные формы, ср. алб. *māgulë*, *gāmulë* 'холм, бугор'³, *gamule*, ж. 'куча земли и травы' (Фасмер II, 634), с.-хорв. *гѡмила*, *мѡгила* 'могила' (там же), *гомила* 'куча' (РСА III, 183), *gomuļa* 'большая куча камней' (RJA III, 265), диал. *gomīla* 'навозная куча, мусорная куча', в.-луж. *homola*, *hotula* 'ком, холм' (Pfuhl 212) — цит. по ЭССЯ 7, 18; болг. [*гомѣла*] 'могила', словен. *gomīla* 'куча земли; могила, курган', укр. диал. [*могѣла*]

'куча, гряда': "насыпав *могилу* пшениці; *могила* снігу..." — цит. по ЕСУМ I, 558; рус. диал. *могілы*, мн.ч. 'длинная насыпь, вал', курск. (Филин 18, 190), *могільник*, м.р. 'берег реки или луг, усеянный продолговатыми кочками, ямами': "*Могильник* — земля кочками. *Могильник* не пашут", челяб. (там же, с. 191); 'место, покрытое кочками, буграми', ярослав. (Ярослав. словарь 6, 49).

В балтийских языках представлены только формы с начальным *-g-*: *gāmalas*, *gāmulas*, *gamulā*, вероятно, с первичной семантикой 'ком' (откуда возможно развитие значений 'кусок, ломоть' и 'возвышение, холм; могильный холм').

Однако помещаемый выше материал еще не доказывает необходимость генетической связи⁴ между **gomyla* и **mogyla*, хотя совпадение этих форм в сфере значений 'куча, холм, насыпь' достаточно показательно, поскольку может указывать на позицию своеобразной "семантической нейтрализации", т.е. такого контекста, в котором происходит совмещение значений⁵: 'ком, кусок' и 'курган, могильный холм'.

Отсутствие вариантных форм для слова **mogyla* может быть вызвано не только более поздним характером происхождения этого слова по сравнению с **gomyla*, но и спецификой его функционирования — закрепленностью за сакральной, табузированной сферой лексики (связь с погребальным обрядом).

Решающим аргументом, на наш взгляд, в пользу подтверждения возможного преобразования **gomyla* → **mogyla* служит зафиксированное в архангельских говорах русского языка производное слово *гомьылька* (и *гомьулька*) в значении 'платок, подаренный невесте женихом в день свадьбы'.

Общеизвестно значение народных обрядов как источника сведений о древнейших формах жизни и верований людей. Вот как описывается тот момент свадебного ритуала, когда жених дарит невесте свой подарок — платок: «Когда перед отъездом в церковь родитель благословляет невесту, — жених набрасывает на нее *гомьыльку* 'большой теплый платок', так, чтобы лицо было закрыто, и в это время свадельницы поют: "Пала *гомьылька* на буйну голову, её ветром не сдует и частым дождем не смочит". При входе в церковь сватья снимает *гомьыльку*, а после окрутки снова накрывает ею невесту, которая не открывается и по приезде молодых в дом жениха, — даже и саясь за свадебный стол, пока не принесут сладкий пирог. Тогда свекровь благословляет хлебом, обращается к гостям со словами: "Свадебники и свадельницы, суседи и суседушки, смотрите на мою невестушку, какова!" — и затем снимает с молодой *гомьыльку*», арханг., Повысоцкий (Филин 6, 356).

Смысл этого ритуала (как и многих других) ныне забыт. Да и сам ритуал покрытия (с головой!) невесты почти не сохранился в наши дни (описание Подвысоцкого сделано в конце прошлого века); большой плотный платок заменен легкой прозрачной фатой. Не только участники свадельного действия, но и большинство ученых-этнографов, фольклористов объясняют обычай покрытия невесты лишь как желание уберечь ее от дурного глаза⁶.

Между тем есть все основания видеть в этом обряде отголоски древнейшего похоронного ритуала. С семиотической точки зрения такое предположение оправдано: брак являлся важнейшим переломным этапом в жизни молодых людей — менялся их статус в обществе, начиналась новая жизнь. И если взросление юноши предполагало прохождение через обряд инициации (где также происходила ритуальная смерть участников обряда и возрождение их уже в новом качестве: воинов, взрослых мужчин, полноправных членов племени), то логично предположить ритуальные похороны девушки-невесты на пороге вступления ее в новую жизнь, включенные в свадебный обряд. Покрытие невесты платком, таким образом, означает имитацию ее похорон. Важно, что происходит оно в момент, когда жених собирается выводить невесту из родительского дома (т.е. кончается ее прошлая жизнь) и снимается платок в доме жениха, где невеста является уже в новом качестве — жены, женщины. При этом снятие покрывала производится, как правило, кем-то со стороны жениха: им самим, свекровью или кем-то третьим (ясно, что венчание в церкви и промежуточное раскрытие невесты — явления поздние, внесенные в свадебный обряд под влиянием христианства).

Плач невесты из приведенного отрывка почти дословно воспроизводит фрагмент из ритуального оплакивания покойника, ср.:

Уж и расколись-ко ты, мать сыра земля,
Уж откройся, да гробова доска...
Уж разбулись-ко, да родна матенка,
Уж ты наложь на нас да благословленьицо.
*Уж чтобы ветром да не сдувало,
Частым дождиком да не секало,
Уж красным солнышком да не спекало,
Уж чтобы век оно существовало...*

(Из надгробного плача детей по матери)⁷.

Прощание с невестой, оплакивание ее близкими — продолжение того же погребального эпизода свадебной церемонии. Еще более тесно проявляется связь между погребальным и свадебным ритуалом в тех областях, где было принято обряжать невесту в момент вывода ее к жениху в *куколь* — специальную одежду, сшитую из белого холста в виде мешка с отверстием для лица⁸ — в *куколь* обряжали покойника. Видимо, не случайно свадебное платье для невесты и саван до сих пор одинаково шьются из белых тканей. Во многих областях России сохранился обычай беречь свадебную одежду "на смертный день" ("в чем женился, в том и в гроб ложился"), и дело не только в том, что крестьянам было не по средствам за всю их жизнь справиться еще раз праздничную одежду, но, видимо, и в более глубокой связи, существовавшей между свадебным и погребальным обрядами: ведь и смерть осознавалась не как окончательное исчезновение, а как переход в новый мир, иную жизнь⁹.

Раскрытие невесты, снятие покрывала (в качестве которого использовали шали, скатерти и даже одеяла) в доме жениха должно

было означать освобождение невесты, "выход" ее из "могилы". Интересно, что снятие покрывала пришло не руками, а каким-то предметом (имитирующим заступ?): "дружко снимал покров кнотовишем плети", "свекровь подходила к невесте со сковородником (рогачем), приподнимала им шаль..." (снятое покрывало бросалось на печь, что, видимо, тоже не случайно)¹⁰.

В том виде, в каком описывает обряд А. Подвысоцкий, он практически не сохранился — отдельные элементы этого ритуала встречаются в различных описаниях русской (и шире — славянской) свадьбы¹¹. Однако в некоторых случаях удается проследить смещение действий, первоначально направленных в адрес невесты, перенесение их на какой-то предмет¹². Таким заместительным предметом, взявшим на себя функциональную нагрузку ритуальных похорон невесты, стал специальный свадебный хлеб, пирог, который пекся накануне свадьбы в доме невесты, участвовал в центральных эпизодах свадебного ритуала (причитание над ним невесты и ее родни, благословение молодых, выкуп этого хлеба женихом или дружкой) и затем торжественно перевозился в дом жениха. Важно, что по форме этот хлеб (пирог) должен был быть обязательно округлым, выпуклым, довольно большим (нередко размеры его были столь велики, что приходилось разбирать переднюю стенку печи, чтобы вынуть пирог¹³, — т.е. практически повторял форму холма, насыпи, могилы. Назывался этот пирог по-разному. Наиболее важным для нас оказывается свидетельство чешского языка, сохранившего в качестве наименования свадебного хлеба слово *homola* — из праслав. **gomola*. В русском языке, кроме традиционного *каравая* (о его этимологии см.: ЭССЯ 11, 112-116: **korvajъ*), известны следующие названия свадебных пирогов: *шишӯля* 'круглый пирог, подается на другой день свадьбы' (Даль² IV, 637) — от *шиш*, *шишка*, т.е. в основе значения — 'нечто вздутое, выпуклое' и *бáнник* (Даль² I, 45), *бáйник* (*бáенник*, *бáяник*). Этимология последнего наиболее интересна, поскольку кажущаяся очевидной связь со словом *бáня*, *бáйна* (ср. *бáенник*, *бáеник*, *бáйник* 'свадебный пирог, приносившийся после мытья молодых в бане' — Арханг. словарь 1, 89), вероятно, должна быть признана вторичной.

В ряде славянских языков сохраняются в качестве наименования различных печеных изделий (главным образом, слоеных) производные формы от глагола **gъbati* 'гнуть, сгибать', возводимые к праслав. **gъbanica*, **gybanica*: болг. *бáница*, *гибáница* 'слоеный пирог', макед. *баница*, *гъбáница* 'слоеный пирог с мясом, брынзой...', словен. диал. *bgánsa* (с метатезой) 'печеное изделие из теста' и некоторые другие (см.: ЭССЯ 7, 187; 216). Очевидно, в эту же группу может быть включено и название свадебного пирога *бáнник*, *бáйник*, первоначально отпричастного образования от глагола **gъbati* — **gъban-(bn)ikъ*, подвергшегося вторичному сближению со словом *бáня*, *бáйна*. Основой этого сближения (а, возможно, и наделение особым символическим смыслом эпизода мытья невесты в бане перед венцом¹⁴) явилось формальное отождествление двух слов после упрощения группы согласных **gb-*, связанного с падением редуцированных.

Отвлечение в сторону возможного происхождения слова *банник* (*байник*) потребовалось для объяснения более глубокой, на наш взгляд, связи, существующей между названиями свадебных пирогов (*шишуля*, *ба́нник*, чеш. *homola* — общее значение: 'ритуальный хлеб выпуклой, закругленной формы, в виде холмика'), платка, которым покрывают невесту (*гомьлька*) и названием погребального холма, могилы.

Множество совпадений ритуального характера можно увидеть между описанным выше эпизодом покрывания невесты и так называемым "баенным циклом" русской свадьбы, имевшим место еще в первой четверти XX в. среди поморов (кстати сказать, на той же территории, что и описываемый А. Подвысоцким эпизод с *гомьлькой*).

"Баенные обряды" входили в довенчальный цикл и включали в себя ритуальное посещение бани невестой (что сопровождалось причитанием и плачем самой невесты, ее подруг и близкой родни) и собирание *байника*. Причем, *байник* собирался даже в тех случаях, когда не принято было невесте перед свадьбой посещать баню.

Вот как описывается этот обряд в книге Т.А. Бернштам "Русская народная культура Поморья в XIX — начале XX в.": "Собирание *байника* было очень ответственным делом, в нем принимали участие жонатка (крестная мать) и невеста. Основу *байника* составлял хлеб с зернами жита (вар.: соль, луковица, деньги), положенными в вырезанное сверху углубление в хлебе. В ряде мест к хлебу добавляли чашку, стакан, миску, ложки... Зашивался он особым образом в кусок белой... материи так, чтобы была видна форма хлеба — круглого или в виде усеченного конуса..."¹⁵. В Приморском районе Архангельской области в *байник*, кроме всего прочего, зашивалась прядь волос невесты ("*Байник* — волосы зашивали" — Арханг. словарь 1, 96). Перечисленные выше предметы (хлеб, деньги, посуда) и, в особенности, волосы составляли необходимый инвентарь, сопровождавший умершего.

Зашивание *байника* требовало определенного мастерства: концы материи и нитки должны быть искусно запряваны. Завязывание полотна крест-на-крест, как отмечает Т.А. Бернштам, стало возможно, по признанию самих жителей, в последнее время, когда разучились "шить *байник*". Иногда *байник* зашивался в ту же скатерть, которой была покрыта невеста после бани. Любопытно, что в Пинежских и Приморских говорах Архангельской области у слова *ба́еник* (*ба́йник*, *ба́нник*), кроме значения 'свадебный пирог' отмечается еще и следующее: 'скатерть, платок, в которые зашивались (закальвались) подарки и угощение невесте и гостям на свадьбе. В баенник невеста перед свадьбой зашивает хлеб, соль, ложку, прядь волос. Во время свадьбы баенник распарывается, невеста одаривает гостей, а гости кладут на него подарки молодоженам' — Арханг. словарь 1, 89. [Ср. аналогичное совмещение значений 'свадебный пирог' (чеш. *homola*) и 'платок (невесты)' (рус. диал. *гомьлька*), что едва ли является случайным.]

При собирании *байника* невеста причитала: "Не зашивай, крест-

ная, восприимная матушка, ты мою волюшку-приволю великую". По приезде жениха в дом невесты дружка „выкупал байник" у матери невесты, которая, обнимая байник, плакала и причитала над ним¹⁶. Препровождался байник в дом жениха с особой торжественностью: его вёз (или нёс) впереди всего свадебного поезда подросток, который тоже назывался *байником* (*баенником*).

Завершался "баенный цикл" обрядов в доме жениха, и его распарывание считалось концом свадьбы. Байник обычно распарывала свекровь, иногда сваты. К сожалению, описание послевенчального баенного ритуала сохранилось хуже, чем довенчального: в отдельных областях разрезанный хлеб съедали гости, либо его отдавали на корм скоту (ср.: покрывало, снятое с невесты, забрасывалось на печь, а не складывалось вместе с прочими подарками — т.е. ни покрывало, ни пирог, несмотря на тщательность его приготовления, не предназначались непосредственным участникам свадебного обряда).

На Зимнем берегу распарывание байника проводилось после первой брачной ночи и явно влилось в ряд "шутейных" мероприятий, связанных с испытанием невинности невесты. В большинстве же описаний свадьбы момент распарывания байника лишь констатируется, судьба его после венца предстает довольно неопределенно, что дало основание Т.А. Бернштам сделать вывод о том, что "уже к началу XX в. смысл и значение байника были по существу забыты поморским населением"¹⁷.

Полагаю, приведенный выше материал может свидетельствовать об исконной связи — с одной стороны, между обрядом покрывания невесты и действиями вокруг свадебного пирога и, с другой стороны, о связи этих обрядов с похоронным ритуалом. Связь эта прослеживается на семиотическом (совпадение действий) и на лингвистическом уровнях (*лексические* совпадения: *homola* 'пирог', *гомьлька* 'платок, покрывало', *gomyla/mogyla* 'могила' и *семантическое* совпадение: исходным для всех этих образований является значение 'холм, бугор, возвышение').

Таким образом, для рус. диал. *гомьлька* 'платок...' можно допустить первичное значение 'могила, могильный холм', и в таком случае, это слово подтверждает предполагаемую этимологией В.Э. Орла генетическую связь **gomyla* → **mogyla*.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Лауцоте Ю.* Словарь балтизмов в славянских языках. Л., 1982. Слово *гомола* помещено в разделе: "Слова, происхождение которых недостаточно аргументировано" (140).

² *Орел В.Э.* Слав. **mogyla* // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1981. М., 1984, 301—306. По мнению В.Э. Орла, центром иррадиации данного слова на европейской территории был балканский лингвистический ареал, а в качестве языка-источника указывается иллирийский, как язык, одновременно удовлетворяющий необходимым фонетическим требованиям, т.е. язык, "в котором и.-е. **o* отразилось, как *o* или *a*, mediae aspiratae перешли в mediae, а палатальные гуттуральные развились по кентумной норме" (305).

³ Там же, 304.

⁴ Иная точка зрения выражена в Этимологическом словаре славянских языков: признавая очевидность близости **mogyla*/**gomyla* к **gomola*/**gomula*, автор статьи

Ж.Ж. Варбот отмечает вероятность не исконной, генетической связи между ними, а вторичного сближения **gotola*/**gotula* 'ком, кусок' и **togyla* 'холм' в области вторичных значений ('куча'), "что и имело своим результатом контаминированное (или метатезированное) **gotyla*" — см.: ЭССЯ 18.

⁵ О нейтрализации значений в определенных контекстах и о роли выявления этих контекстов для решения вопросов об омонимах — см.: *Трубачев О.Н.* Этимологические исследования и лексическая семантика // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976, 147—180; *Аникин А.Е.* Опыт семантического анализа праславянской омонимии на индоевропейском фоне. Новосибирск, 1988, 17.

⁶ *Маслова Г.С.* Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX — начала XX в. М., 1984.

⁷ Русские народные песни / Сост. *В.В. Варганова*. М., 1988, 370.

⁸ *Маслова Г.С.* Указ. соч. 55, 90.

⁹ Ср.: "Женщин и девушек хоронили в подвенечном уборе; старух "опрятывали" более скромно." — *Рыбаков Б.А.* Язычество древней Руси. М., 1987, 111.

¹⁰ *Маслова Г.С.* Указ. соч. 55.

¹¹ См., например: *Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры*. М., 1987; *Брак у народов Центральной и Юго-восточной Европы*. М., 1988 (описание свадебного обряда у южных и западных славян).

¹² Приемы так называемой "заместительной магии", когда непосредственному воздействию подвергается не сам объект, а его предметный "заместитель", широко известны и описаны в научной литературе — см., например: *Э. Тейлор*. Первобытная культура. М., 1939; *Дж. Фрэзер*. Золотая ветвь. М., 1986.

¹³ Брак у народов... 44.

¹⁴ Широко известен обычай прятать (хоронить) невесту во время свадьбы, ср. одно из значений слова *байна* 'часть свадебного обряда': "После *байны* молодку-то прятали" — *Арханг. словарь* 1, 95. Ср. также популярный сказочный мотив похищения невесты во время свадьбы и поисков ее героем в тридевятом царстве (которое, как известно, воплощает идею загробного мира).

¹⁵ *Бернштам Т.А.* Русская народная культура Поморья в XIX — начале XX вв. Этнографические очерки. Л., 1983, 126.

¹⁶ Там же, 127.

¹⁷ Там же, 131.

А.А. Калашиников

К ЭТИМОЛОГИИ ДР.-РУС. ВЯЖА

Слово *вяжа* приводится в "Словаре русского языка XI—XVII вв." в значении 'место обитания бобров, бобровая хатка' (СлРЯ XI—XVII вв., 3, 282). Там же (3, 282) упоминается и слово *вяжище*, того же значения. Бобровая хатка представляет собой сооружение из сучьев, стеблей тростника, осоки и т.п., скрепленных илом (ССРЛЯ, 17, 55) или грязью. Для этих слов, кажется, еще не привлекавших к себе внимания этимологов, вероятно принадлежность к гнезду глаголов **vezati*, **vezq*. С точки зрения семантики ср. чеш. *vázati trámy, cihly* 'вязать (скреплять) балки, кирпичи' (Kott IV, 563), в.-луж. *wjazać iřěchu* 'вязать крышу (стропила)' (Трофимович, 346), особенно польск. диал. *wiqzarek* 'способ постройки изб, состоящий в сооружении конструкции из балок, скрепляемых тростником и глиной', кашуб.-словин. *vqzarka* 'стоечная конструкция стен, при которой пространство между стойками заполняется глиной и кирпичом или обтягивается